

А.Н. Лазарева

Духовный опыт Гоголя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А.Н. Лазарева**
Духовный опыт Гоголя / А.Н. Лазарева – М.: Книга по Требованию, 2014. –
168 с.

ISBN 978-5-458-64791-5

В монографии дан философский анализ мировоззрения Н.В. Гоголя. Раскрыты существенные особенности его эстетического, этического и религиозного сознания. Показана логика развития и соотношение форм сознания как определенных ступеней эволюции мировоззрения писателя. Выявлено познавательное и общественное содержание философских интуиций писателя.

ISBN 978-5-458-64791-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выходом в свет "Выбранных мест" философ признал, что опрометчиво принимал писателя за единомышленника. Своими обличениями Гоголь в художественном творчестве "резко нам высказал нашу грешную сторону"¹, - только "сторону". Дух своего первого "философического письма", дух деструктивной критики, "басманный философ" проецировал на гоголевского "Ревизора": "Никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волючили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани"². Но разве хоть слово грубой (или даже не грубой) брани брошено публике или кому бы то ни было в комедии? Неужели устремлять людей к преодолению пороков означало у Гоголя "волочить страну в грязи"? Разве бичевание пороков то же, что бичевание народа? Чаадаев вовлек себя в ложную альтернативу: "Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать"³.

Гоголевский пафос совсем в другом - не в бичевании России и народа, а в бичевании пороков.

Представители охранительной идеологии (Ф.В.Булгарин и др.) приветствовали появление гоголевского публицистического произведения и восхваляли его как доказательство примирения писателя с существующим социальным строем⁴. Иначе говоря, они принимали концепцию "двух Гоголей", но с противоположной оценкой.

Близкие писателю по духу современники знали, что перемена в его взглядах, его "духовное преобразование", произошло не в одночасье и появление "Переписки" для них было не внезапностью, а свершением "ожиданного события". П.А.Вяземский в статье "Языков - Гоголь" взялся разублачить мнение о духовном "переломе" в Го-

¹Чаадаев П.Я. Соч. М. 1989. С.467.

²Там же. С.153.

³Там же. С.172.

⁴См.: Северная пчела. 1847. №8. 11 июня

голе. Писатель разрывал с той частью прошлого, которое создали вокруг него его неумеренные почитатели и подражатели, "бешеные приверженцы", все его начинания испортившие тем, что олицетворили в нем "какое-то черное литературное знамя", поставив главою школы отрицательного направления в литературе, "литературе укорительной, желчной и между тем *мелко придирчивой*... бросились унижать, безобразить человека и общество, злословить их, доносить на них"¹. Не приемля слишком резкое разведение Белинским "прежнего" (т.е. до "Переписки") и "нынешнего" Гоголя, Вяземский искал умеренного и уравновешенного, даже компромиссного решения, "прекрасной сделки": художественность и религиозность не противоречат друг другу, более того, искусство должно вести к религии.

С таким требованием солидаризировался почвенник Ап.Григорьев. Высоко оценивая художественное творчество Гоголя, все же настоящую заслугу его он видел в усилиях привести современников "к полному христианскому сознанию"². Мировоззрение писателя критик попытался понять как органичное целое. Взгляды автора "Ревизора" Ап.Григорьев рассматривал в развитии. "Выбранные места" - не качественно иное направление, а продолжение одного и того же "дела жизни" Гоголя-писателя и Гоголя-мыслителя. Поверхностен тот взгляд, который улавливает в "Ревизоре" и "Мертвых душах" только угрюмо-враждебное отношение к окружающей действительности³. Вглядитесь глубже, призывает критик, и вы увидите, что в этих произведениях просвечивает любовь и "сияние вечного идеала", что в их

¹Вяземский П.А. Языков - Гоголь // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.183.

²Григорьев Ап. Русская литература в 1851 году // Москвитянин. 1852. Т.1. №2. С.22.

³См.: Григорьев А.А. Пушкин - Грибоедов. - Гоголь. - Лермонтов // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986. С.96.

основе не вражда и мрак, а примирение и очищение, делающие излишними разговоры о переломе в воззрениях писателя и возведение стены между "Перепиской" и художественными созданиями Гоголя.

Славянофил И.С.Аксаков (в статье "Несколько слов о Гоголе") попытался проникнуть в сложный духовный мир Гоголя, этого, по его определению, монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, исходя из понимания мировоззрения писателя как противоречивого единства. Но это не снимало вопроса о том, что же в творчестве автора "Мертвых душ" и "Переписки" является определяющим - художественность или религиозность?

Интерпретацию "единого" Гоголя с христианской точки зрения предпринял архимандрит Феодор (А.М.Бухарев). "Переписку" он расценивал как "последний, самый естественный плод или последнее звено", до которого дошло "стройное поэтическое и духовное развитие" Гоголя¹. Бухарев, однако, смущен был тем, что прежние свои сочинения писатель объявил "бесполезными": разве своею сатирой Гоголь не подготавливал мирян к христианскому осознанию грехов и сам не созревал духовно, возводя искусство к "закону Христову" и становясь во все более полной мере "поэтом православным"?

С совершенно иной позиции представление о "едином" Гоголе принял Н.Г.Чернышевский. Он задается вопросом, достаточно ли глубоко и полно постигаем мы творчество писателя, когда игнорируем или элиминируем его "образ мыслей"? Революционный демократ имел возможность (каковой не было у Белинского) проанализировать развитие образа мыслей писателя не только на основе его опубликованных произведений, но и по эпистолярному (хотя и

¹См.: *Архимандрит Феодор (А.М.Бухарев). Три письма к Н.В.Гоголю, писанные в 1848 году.* СПб., 1860. С.70.

неполному) наследию. Взгляды Гоголя в "Выбранных местах"¹ представлялись ему уже не внезапным поворотом в мировоззрении, но результатом постепенных перемен, обусловленных кругом чтения и общения с людьми мистико-религиозной ориентации. Принципиальная оценка "Переписки" Чернышевским: "Книгу... нельзя оправдать: она лжива"², - существенно сходна с оценкой, данной Белинским и Герценом, но в подробностях трактовки есть значительные расхождения.

На основе уцелевших глав второго тома "Мертвых душ" Чернышевский заключает, что автор "Выбранных мест" "вовсе не убивал" в себе прежнего великого писателя, не изменял себе как автору "Ревизора". "Высокое благородство сердца, страстная любовь к правде и благу всегда горели в душе его... страстную ненавистью ко всему низкому и злему до конца жизни кипел он"³. И Чернышевский устанавливает единство "раннего" и "позднего" Гоголя в неизменно преследуемой писателем цели исправления "общественных недостатков". Следовательно, единство воззрений - в этическом пафосе. Несогласие с идеями "Выбранных мест" не помешало Чер-

¹Эта книга вышла в свет 1 янв. 1847 г. в искаженном цензурой виде и без пяти статей: "Нужно любить Россию", "Нужно проехать по России", "Что такое губернаторша", "Страхи и ужасы России", "Занимающему важное место", которые Гоголь считал важными потому, что в них выразил свое критическое отношение к общественной деятельности чиновников и рассматривает вопрос о должностных обязанностях лиц, находящихся на государственной службе. Белинскому эти статьи остались неизвестны. Но дело не в одном недостатке сведений. Знакомый с этими письмами и другими материалами о писателе, Д.И.Писарев, как и Белинский, утверждал, что в Гоголе совершился "горестный переворот, вследствие которого он "вдался в ханжество", а "Переписка с друзьями" явила собой решительное отречение, совершенную перемену основных убеждений.

²Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 15 т. Т.3. М.,1947. С.535.

³Там же. С.13.

нышевскому признать в писателе незаурядного мыслителя¹.

Либеральные публицисты и историки литературы исходили из представления о раздвоенности духовного мира Гоголя: в политическом плане характеризовали его как чистокровного консерватора и верноподданного (Н.А.Котляревский), а мировоззрение - как средневековое, религиозно-набожное (А.М.Скабичевский). В.Н.Мочульский даже лишил общественного содержания вопросы, поставленные в "Переписке", утверждая, что они удовлетворяли только "частным интересам". Историк литературы А.Н.Пыпин пытался объяснить "двойную природу" Гоголя - человека и поэта - как отражение в личной судьбе борьбы двух сторон общественного развития: как великий талант он принадлежал к его прогрессивной стороне, тогда как его теоретические понятия не шли дальше обиходного консерватизма. Его инстинкт вел его по той дороге, где были истинные задатки общественного самосознания... работа теоретическая была ему непосильна².

¹Позволю себе привести без комментариев три высказывания на этот счет. Белинский: "Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге" (Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 13 т. М.,1956. Т.10. С.213). Чернышевский: "Мы не вздумаем оправдывать его избитою фразою, что он, дескать, был художник, а не мыслитель: недалеко уйдет тот художник, который не получил от природы ума, достаточного для того, чтобы сделаться и мыслителем" (Чернышевский Н.Г. Указ.соч. Т.IV. С.633). Гоголь: "Полный и совершенный поэт ничему не предается безотчетно, не проверив его мудростию полного своего разума" (Гоголь Н.В. Полн.собр.соч.: В 14 т. М.,1952. Т.8. С.252. Далее ссылки на это издание даются в тексте).

²См.: Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. С.384-385. Д.Н.Овсянников-Куликовский модифицировал идею о "двух природах" Гоголя в представлении о драматической борьбе двух начал: биологического (?!) и

На переломе двух столетий была предпринята попытка реабилитации "Выбранных мест". В своих "Литературных заметках" А.Волынский заявил, что это - "оклеветанная, замечательная книга... которую Россия может гордиться перед всем светом"¹. В отношении к публицистическому произведению Гоголя обозначилась новая напряженность. Если, например, П.Матвеев утверждал, что "Выбранные места" "значительно опередили свое время"², то В.Богуцарский настаивал, что это сочинение - безусловно подлежащая "забвению вещь"³. Пальма первенства в сокружительных нападках, в хуле на "Выбранные места" и в предречении им судьбы забвения в памяти потомков несомненно принадлежит автору знаменитого письма к Гоголю: "Вы только омрачены, а не просветлены... Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, чорта и ада веет от Вашей книги". В этом же письме неистовый Виссарион неофициально ослабил писателя ("или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться; или - не смею досказать моей мысли") так же, как официально ослаблен был на всю Россию автор "Философических писем" инсинуациями насчет того, что он "того".

Гоголь расценивал свои "Выбранные места" как "пробный оселок", на котором судящий о затронутых в них проблемах невольно раскроет свою сокровенную сущность, т.е. книга должна побудить всякого самоопределиваться. У Белинского, задетого за живое этой книгой,

идеологического, "гениальности" и "ума"//Овсянко-Куликовский Д.Н. Гоголь. СПб., 1907. 2-е изд. С.118.

¹Волынский А. Литературные заметки//Северный вестник. 1893. №1. Отд.П. С.142, 163.

²См.: Матвеев П. Николай Васильевич Гоголь и его Переписка с друзьями. Историко-литературный очерк. СПб., 1894. С.36.

³Богуцарский В. Гоголь, как "учитель жизни"//Мир Божий. СПб., 1902. №2. С.57.

так и произошло. В пылу негодования он невольно и как бы риконшетом задел и себя: "Бестия, наш брат, русский человек". Кто бы мог подумать, что оброненные в гнев фразы о болезненной религиозности, мракобесии, смерти, чёрте и аде в незабвенном письме Белинского, спровоцированном "Перепиской с друзьями", будут со временем положены в основу мрачного воззрения на российскую действительность - всю, включая художественные творения Гоголя и его личность.

Один из крупнейших представителей "богоискательства" в России Д.С.Мережковский передал нам все, и даже больше того, что можно обозреть в творчестве писателя, через призму сатанологии. Мы узнаем, что единственный предмет гоголевского творчества - чёрт как явление "бессмертной пошлости людской", явление "безусловного, вечного и всемирного зла"¹, а тайный смысл "Ревизора" и "Мертвых душ", как оказывается, состоит в том, что сам чёрт в образе Хлестакова или Чичикова плетет свою вечную, всемирную "сплетню"².

Получалось, таким образом, что Гоголь-художник занят преимущественно темой антихриста, Гоголь-моралист - темой Христа.

По верному наблюдению современного гоголеведа, в начале нашего века со словами "бессовщина", "сатанизм", "чорт" вошло в моду "заигрывать". "При том зачастую материалом выбиралось наследие безответных поневоле умерших. Вряд ли кто-либо пострадал от такого обращения больше, чем Гоголь"³. В таком освещении само название эссе Мережковского "Гоголь и чорт" приобретает особый смысл. "Моральное зло" или "грех" кажутся автору слишком бледными словами для выра-

¹Мережковский Д.С. Гоголь и чорт. М., 1906. С.2.

²Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. СПб., 1909. С.9.

³Носов В.Д. "Ключ" к Гоголю. Опыт художественного чтения. Л., 1985. С.112.

жения изворотливой, коварной и могущественной силы. Жизнь и творчество Гоголя представлены Мережковским как неустанная борьба с "печистым", то и дело воплощавшимся через его же собственный художественный дар. Если в переписке между Гоголем и Шевыревым обсуждалась тема как "посмеяться над чортом", то, по Мережковскому, получилось обратное: "Увы, теперь мы знаем, кто над кем посмеялся"¹, - чёрт над Гоголем посмеялся.

Следующий шаг сделал В.В.Розанов, объявивший, что чёртом-то был сам автор "Мертвых душ". Он рекомендует поступить с писателем безжалостнее, чем Мережковский, и жестче, чем Православная церковь с Л.Толстым, - отлучить не только от Православной церкви, но и от христианства вообще. На том основании, что Гоголь "любил мир и нас привязывал к миру", его нельзя, утверждает Розанов, "инкрустировать" в Евангелие; "его просто надо выкинуть" из христианства, да и дело с концом², хотя оговаривается, что такой вывод возможен не с "земных точек зрения, а... с монашеской".

В "Мертвых душах" Розанов ощущает "дьявольское могущество"³, вводящее в безумие. В самом писателе он находит "исключительное безумие", но не медицинское, а особого рода - "метафизическое": безумствует не мысль, а воля, сердце, совесть, "грех" в нас, "святость" в нас. И заключает: "Гоголь никогда не менялся, не перестраивался. Он был всегда таким, каким родился, - и только рос. Рос... в безумие свое, в тоску *свою*"⁴. Единство духа Гоголя, следовательно, - в неизменном росте метафизического безумия. С "безумием" Гоголя связывает

¹Мережковский Д.С. Полн.собр.соч. Т.15. М.,1914. С.308.

²См.: Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира//Розанов В.В. Религия и культура. М.,1990. Т.1. С.570.

³Розанов В.В. Описание листья. Короб первый//Розанов В.В. Уединенное. М.,1990. Т.2. С.357.

⁴Розанов В.В. Отчего не удался памятник Гоголю?//Розанов В.В. Соч. М.,1990. С.349.

Розанов и его "тайну". Состоит она "в совершенной неодолимости всего, что он говорил в унижительном направлении, мпущем, раздавливающим, дробящем", тогда как лирический пафос в нем был "просто так", вне черт его таинственного гения, гения "с злоеющей звездой над собой, пожалуй - с черной звездой в себе"¹. В свойственном ему афористическом стиле изображает Розанов пришествие Гоголя в мир: "Море русское - гладко, как стеклю... Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы"². Философ приписывает писателю исключительно негативистскую миссию по отношению к России: "Россия была, или, по крайней мере, представлялась сама по себе "монументальною", величественною, значительною: Гоголь же прошелся по всем этим "монументам", воображаемым или действительным, и смял их все, могущественно смял своими тонкими, бессильными ногами, так что и следа от них не осталось, а осталась одна безобразная каша"³. И Розанов выговаривается до конца, без всяких недомолвок: "Архисерей "мертвечины"... "идиот"... "Фу, дьявол! - сгинь!" ... "Сгинь, нечистый!"... "Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило на нашу землю"⁴.

Не только в Гоголе, но и в Христе Розанов смог вообразить и возгласить отсутствие добра (см.: письмо к Б.А.Грифцову 24.04.1911) и возгорелся в своем анти-Христовом бунте чростной злобой и лютой ненавистью к обоим. В письме к П.Б.Струве незадолго до кончины

¹Розанов В.В. Гоголевские дни в Москве//Соч. М.,1990. С.351

²Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй//Розанов В.В. Уединенное. М.,1990. Т.2. С.358.

³Розанов В.В. Отчего не удался памятник Гоголю?//Розанов В.В. Соч. М.,1990. С.350.

⁴Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый С.314, 315

он признается: "Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя"¹. И все-таки порой у Розанова невольно оформляются в самопризнания результаты рефлексии над своим способом видения: "Как много во мне умерщвляющего"; над своим безразличием к нравственности: "Я не враждебен нравственности, а просто "не приходит на ум""². Видимо, Гоголь был прав, предрекая, что в суждениях о нем люди будут раскрывать себя, свои существенные черты и свойства.

Н.А.Бердяев расширил взгляды Мережковского и Розанова. Он перевел их *восприятие* Гоголя из индивидуально-психологического плана в общественно-исторический и попытался приложить его к революционному процессу в России. В статье "Духи русской революции", открыв тему борьбы дьявола с Богом в душе и творчестве Гоголя, философ сразу же ограничивает ее, сосредоточиваясь на анализе "темных, злых" сил. Только их. Бог оставлен в стороне. Все внимание приковано к "жугкости" гоголевского творчества, понятого как "художественное откровение зла", и не столько социального, сколько "метафизического и внутреннего", специфически связанного, по мнению Бердяева, со всей последующей русской историей. Все те отрицательные стороны, которые в самом "духовном ядре" русского племени дано было прозреть Гоголю, не изживались, а только раскрывались, проступали наружу. Надежды на очистительную силу революции оказались тщетны. "В революции раскрылась все та же старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд"³. Никакого просвета к добру. Между тем философ верил в преображение русской души, надеялся на "истинную духовную революцию в России". На чем основаны его надежда и вера? Из мрака и зла ничего свет-

¹Цит. по: Носов В.Д. Указ.соч. С.115.

²См.: Розанов В.В. Спавшие листья. Короб первый. С.298, 327.

³Бердяев Н.А. Духи русской революции//Вехи. Из глубины. М.,1991. С.256.